

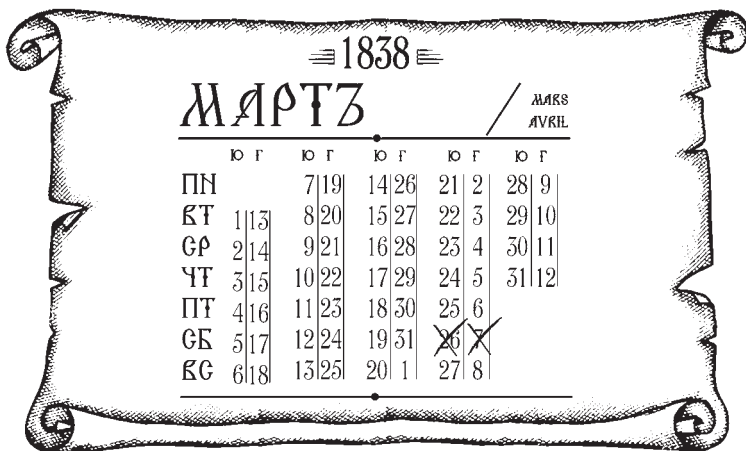
· РЕТРОРОМАН ·

ОЛЕГ КУДРИН

ТЁТУШКА
ЭСТЕР
ИЗ ПАРИЖА

ОДЕССА-1838

ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2021



ГЛАВА 1

В Лазареву субботу¹, каковая пришлась на 26 марта, Натан и Лия приехали в гости к *Стенку і Надії*. Праздничные забавности возникли сразу. Горлис сказал вознице «ехать на Кочубеевскую». Он привык, что за последние несколько лет так стали прозывать улицу, сложившуюся на Молдаванке, по обе стороны которой располагались хозяйственные хутора Кочубеев, Степана и Васыля. Но ямщик оказался приезжим, новеньким, и у него было свое понятие об улицах. Тогда Горлис начал длинно объяснять: «Ну, это от Степовой и до Преображенской, промежду Тираспольским трактом и Болгарской». — «А-а-а, —

¹ Христианский праздник за неделю до Страстной субботы, кануна Пасхи.

понятливо протянул мужик. — Так то ж Госпитальная. Так?» — «Так», — согласился подумав Натан. «То так бы и гутарили», — ответил возница, начав неспешно и несильно хлестать лошадку.

Эта же тема получила продолжение во время застолья.

— Ну, Танеля, ну удружил, — шутейно жаловался Степан. — *Тільки ж почали вулицю прозивати Кочубеївською на нашу честь, як ото М'ясоєдівську на честь Дементія М'ясоєда.* Так тут ты со своими пропозициями. *І все — зась.* Теперь Кочубеи живут на Госпитальной, а не на Кочубеевской!

— Ну, извини, — произнес Горлис. — Давай, *Степко*, всё назад вернем, как было.

Сей ответ тоже был несерьезным — ясно же, что ничего уж не переделаешь. При посреднической помощи Горлиса и его приятеля из земляков — Натансона, иудейская община Одессы приобрела у Степана бóльшую часть его хутора — для расширения еврейской больницы. А уж после этого и всю улицу стали называть Госпитальной. Но и Степан не прогадал — на вырученные деньги построил доходный дом на Внешнем бульваре, при этом из прежнего немалого хозяйства «на земле» оставил только тутовое дело¹. Впрочем, шутки шутками, а терять свою именную улицу и вправду было немного обидно.

¹ Производство шелка-сырца.

— Ну, ничего, — подвел итог Натан. — В любом случае: лучше Кочубеям жить на Госпитальной, чем частым обитателям госпиталя — на Кочубеевской.

— *Добре, домовились*, — усмехнулся хозяин дома, потянувшись за очередным *гречаним* блином.

Ох и строг же православный пасхальный пост, который держали Степан и Надежда с детьми. Но сегодня — послабления, можно есть икру рыбью. Так бы в другой раз и не подумали столько ее выкушать. Тут же — отдельный праздник гастрономический получился. Надежда напекла на постном масле горку блинов из гречневой муки. А Степан закупил икорки всякой, что только была на базаре, — и желтой, и желто-горячей, и зеленой, и красной, и черной. Да еще *батько Андрій* с родных Усатовских хуторов, что у самого Хаджибеевского лимана, передал ему икры, самолично засоленной братом Тимошем.

И вино красное сегодня тоже можно. О чем, празднуя, также не забывали. Помянули Степанова *діда Миколу*, на честь которого Степко сына своего назвал. *Надія* еще сказала — помянуть *єпископа Йосафата і вікарія Йосафата*, скоро как раз их сороковины будут. Горлис не знал, кто это, но и тут пригубил. Отчего ж не вспомнить хороших людей (а о плохих Надежда говорить бы не стала).

Краем глаза Натан посматривал на Лию. И с удовлетворением отметил, что, кажется, она уже лучше,

ловчей чувствует себя в гостях у Кочубеев. Долго же, не один год, они шли к этому. При том трудно объяснить, почему так получается. Казалось бы, и Степан, и Надежда приветливы к ней, добросердечны. Да и Ульянка их по-девчоночьи ластится (разница в возрасте между ними вообще невелика). Но Лия, однако, в себе замкнута. И не так чтобы высокомерно, а как-то робко, неловко закрыта. Была. А сегодня, кажется, начала приоткрываться. Это радовало.

Или, может, Натану сие лишь почудилось, поскольку так хотелось чем-то утешиться. Как же нелегко дается ему совместная жизнь с Лией, которую он в одесском обществе называет по-французски, несклоняемо — Леа Бабилонье. Сколь многие поступки, граничащие с безумием, а то и переходящие эту грань, он совершил ради нее. Но это отнюдь не отваживало от нее, а, напротив, с каждым таким шагом делало ближе и ближе. Такова уж жизнь — что дороже дается, то выше ценится...

— *Танелю, будь ласка,* — сказал Степко. — Поддай-ка вон той икорки! Черная, вроде как, всех вкусней.

Натан потянулся за прошеным... И только ойкнул, потом пояснил:

— Утренней гимнастикой занимался да мышцу потянул.

— *Отож,* — отметил Кочубей и сам сходил за белужьей икрою. — Гимнастика — дело двоякое!

Все усмехнулись от неожиданной формулировки, на какие хозяин дома бывал силен.

В разгар очередного застольного оживления в дверь постучали. Степан пошел посмотреть, кто там заявился. И вернулся с частным приставом I части Одессы Афанасием Дрымовым. Несмотря на давнюю успешную работу в одесской полиции, он что-то давненько по службе не повышался. Наверно, оттого Афанасий Сосипатрович любил, чтобы, аттестуя его, к официальной должности добавляли приватно: мол, как первый среди равных (частных приставов), Дрымов неофициально также числится товарищем¹ одесского полицмейстера, самого подполковника Шостака Александра Андреевича.

Афанасий поприветствовал мужчин крепким рукопожатием, с армейским лоском (благотворное влияние супруги, офицерской вдовы Марии Арсеньевны) поцеловал ручки Надежде и Леа (тем самым показав, что, безусловно, видит в Натановой спутнице даму замужнюю) и с готовностью уместился на свободное место за столом, предложенное ему хозяином дома. Дрымов с таким искренним аппетитом уминал блины, с дюжину, чтобы распробовать икру всех цветов и видов засола, что и остальные празднующие почувствовали новый прилив *bon appétit*. После чего все опять вина пригубили за светлый

¹ То есть — заместителем.

праздник сегодняшний — и за тот, еще бóльший, что близится.

— Эт-т-то я удачно зашел! — сказал Афанасий Сосипатрович, утирая уста и усы изящно отороченным платком. — Однако ж и об деле нужно вспомнить.

— Так вы, Афанасий Сосипатрович, всё же с делом пришли, а не только мою готовку отведать? — спросила хозяйка дома с шутливой обидой.

— Ах, Надежда Сильвестровна, ежели б я знал, какие у вас блины да засолы и разносолы, то и безо всяких дел, можно сказать, прилетел бы отведать. Но...

Галантно кивнув Покловской (благодаря отцу — известному человеку, все хорошо знали девичью фамилию Надежды), Дрымов обратил взор на Горлиса и Кочубея, отчего выражение лица его обрело зовуще-деловой вид: вот, господа, не хочется уходить из-за стола, а надо!

— От имени Министерства внутренних дел Российской империи прошу господина Горлижа и господина Кочубея оказать посильную помощь в одном важном срочном деле, — изрек Дрымов не без пафоса.

По тому, как было это сказано, понятно — дело серьезное. А то, что без криминальных подробностей, так тоже объяснимо. Зачем же осквернять ими застолье, да еще праздничное...

Что ж, значит, придется ехать и немедленно, не зря Дрымов прибыл на казенной карете. Но как быть

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог

О дядюшке Жако, тётушке Эстер и парижской «цыганщине»	9
ГЛАВА 1	18
ГЛАВА 2	33
ГЛАВА 3	46
ГЛАВА 4	55
ГЛАВА 5	73
ГЛАВА 6	88
ГЛАВА 7	101
ГЛАВА 8	115
ГЛАВА 9	129
ГЛАВА 10	143
ИЗ ДНЕВНИКА ЭСТЕР (8/20 апреля — 10/22 мая 1838 года)	156
ГЛАВА 11	173
ГЛАВА 12	190
ГЛАВА 13	206
ГЛАВА 14	219
ГЛАВА 15	230
ГЛАВА 16	245
ГЛАВА 17	256
ГЛАВА 18	269
ГЛАВА 19	282
ИЗ ДНЕВНИКА ЭСТЕР (17/29 мая — 1/13 июля 1838 года)	293

ГЛАВА 20	304
ГЛАВА 21	317
ГЛАВА 22	332
ГЛАВА 23	344
ГЛАВА 24	361
ГЛАВА 25	376
ГЛАВА 26	391
ИНТЕРМЕЦЦО	
Подлинная история Леа Бабилонье.	405
ГЛАВА 27	441
ГЛАВА 28	453
ГЛАВА 29	466
ГЛАВА 30	480
Вместо эпилога	
ИЗ ДНЕВНИКА ЭСТЕР (24 июля/5 августа — 29 августа/10 сентября 1838 года) . . .	496